

Аринова Д.Б., Карагандинский государственный университет имени академика Е.А. Букетова, факультет философии и психологии, студентка гр. Ф-32
(Научный руководитель – к.ф.н., доцент **Жармакина Ф.М.**)

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ «МЕНТАЛИТЕТ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЕ «АННАЛОВ»

В современном мире, характеризующемся разнообразием форм глобализации, наиболее воспринимаемой и остро ощущаемой является культурная глобализация. Смена тысячелетий влечет за собою изменение мировоззрения, переосмысления роли человека и его национально-культурной самоиндефикации, это усиливает интерес к проблеме менталитета. Необходимо отметить, что, несмотря на продолжительный период времени, прошедший с начала научного освоения понятия «менталитет» его устоявшегося определения нет. Менталитет (от лат. *mentis* дух, в более узком смысле ум, -al притягательный суффикс) устойчивый изоморфизм, присущий культуре или группе культур, который обычно принимается в этой культуре как естественный. Менталитет превращается в серьезную проблему на стыке культур, а также на крутых социокультурных переломах, в тех случаях, когда социокультурное противоречие, нарушение социокультурного закона носит столь глубокий характер, что требует для своего преодоления сдвигов менталитета.

Менталитет изменяется крайне медленно. Менталитет выступает как способность человека воспроизводить меру в дуальных оппозициях. Отличие между разными менталитетами заключается в разном содержании, характере, направленности сферы, где может формироваться эта мера, ее ориентация на сложившиеся образцы, способность выхода за эти рамки. В одних случаях эта мера ищется в отождествлении с полюсами дуальной оппозиции, в других случаях поиск новой меры происходит на основе новых условий, средств и целей. В одних случаях мера ищется на чисто эмоциональной основе, в других на пути интеллектуализации.

Изучение понятия «менталитет» продолжает оставаться актуальным на протяжении длительного времени. Представители различных гуманитарных наук признают тот факт, что самым плодотворным подходом в исследовании ментальностей является историко-антропологический подход, инициированный французскими историками.

«Новая историческая наука» - приобрела свои очертания еще в десятилетие предшествующее второй мировой войне, новой ее называют, не смотря на ее досточтимый возраст, из-за ее поразительной способности сохранять актуальность и в наше время, тревожить умы и обновляться. «Новая историческая наука» прочно удерживает свои позиции на протяжении ряда столетий, так в чем же ее отличительная особенность? Эта историческая школа возникла и формировалась вокруг журнала «Анналы» основанного в 1924г. Основоположниками были крупнейшие историки Люсьен Февр и Марк Блок. Они осознавали необходимость обновления и радикального преобразования исторической науки. Они наметили в своих трудах пути обновления и наглядно продемонстрировали те возможности исторического познания, которые до них не были реализованы. Но принадлежит ли сделанное исключительно истории исторической науки? Или же это живое наследие, продолжающее активно работать, оплодотворяя творчество ныне живущих ученых?

Люсьену Февру принадлежит особое место. В плеяде выдающихся ученых историков, которое выдвинуло прошлое столетие, он выделялся в качестве новатора, пролагателя новых путей. Самое интересное в трудах Февра - постановка проблемы, подход ученого к изучению духовной жизни, умонастроению прошлого. На первой странице книги читаем: «Историк не тот, кто знает. Историк - тот, кто ищет».[1, с 1]. Февр считал что взгляды индивида репрезентативны для его времени и среды, но чем крупнее и ярче человек, тем более оригинальными могут оказаться его идеи и творчество. В трудах Февра и Блока почти не упоминаются имена немецких историков и философов, работавших в области социологии и психологии познания, и их собственные интересы были далеки от теоретических аспектов этих дисциплин. И тем не менее они пришли к чрезвычайно важному для научного исследования выводу: ученый должен стремиться к тому, чтобы обнаружить те мыслительные процедуры, способы мировосприятия, привычки сознания, которые присущи людям данной эпохи и о которых сами эти люди могли и не отдавать себе ясного отчета, применяя их как бы «автоматически», не рассуждая о них, а потому и не подвергая их критике. При таком подходе удалось бы пробиться к более глубокому пласту сознания, теснейшим образом связанному с социальным поведением людей, их умонастроению.

Этот непривычный для исторической науки подход ознаменовал начало нового этапа, открыв широкие перспективы для изучения прошлого. Он коренным образом изменяет исследование сознания и поведения людей: от поверхности явлений он ведет историка в неизведанные глубины.

История высказываний великих людей потеснена историей потаенных мыслительных структур, которые присущи всем членам данного общества. В силу универсальной распространенности и, главное, неосознанности, присущего им автоматизма, эти формы общественного сознания не контролируются их носителями и действуют в них даже и помимо их воли и намерений. Но именно поэтому они в высшей степени могущественны, они формируют социальное поведение людей, групп и индивидов. Исследуя эти социально-психологические механизмы, ученый из области идеологии переходит в иную область, где мысли тесно связаны с эмоциями, а учения, верования, идеи коренятся в более расплывчатых и неформулированных комплексах коллективных представлений.

Важно подчеркнуть, что изучение этого уровня общественной реальности открывает широкие возможности не только для познания истории мысли и творческих способностей людей, на что обращал преимущественное внимание Февр, в центре исследовательских интересов которого были Возрождение и Реформация, и не только истории эмоциональной жизни (он мечтал о создании истории таких человеческих чувств, как любовь, смех, страх и т.д.). Изучение ментальностей дает возможность ближе подойти к пониманию социального поведения людей - поведения индивида в группе, группового поведения, ибо это поведение формируется под мощным воздействием ментальных структур.

Каков путь, ведущий в область ментальностей? Очевидно для этого необходимо проникнуть в тайники мыслительной деятельности людей изучаемого общества, в частности, самым внимательным образом исследовать словарь того времени, равно как и присущие этим людям символы и ритуалы, в которых выражались существенные аспекты их поведения. В сфере внимания ученого должно быть «все, что причастно человеку, зависит от человека, исходит от него, выражает его, свидетельствует о присутствии деятельности, вкуса и способах существования человека». [2, с 43] Новый смысл приобретает изучение свидетельств литературы и искусства, конфигурации полей и характера пейзажей, данных археологии и истории техники. Нужно заставить говорить немые вещи с тем, чтобы они рассказали о создавших их людях и обществе то, чего сами они о себе не рассказали, - не в этой ли постоянно возобновляемой попытке заключается «важная и, несомненно, самая захватывающая сторона нашего исторического ремесла?»

В последних словах Февра выражена очень существенная характерная черта нового подхода к истории. Февр ищет следы человеческой мысли и деятельности, именно контакт с человеком далекой эпохи, с его психикой, умственным кругозором, с его интересами и страстями придает историческому исследованию необычайную интеллектуальную напряженность, остроту и привлекательность. Не выстраивание разрозненных фактов, подчиняемых выработанной историками или навязанной им априорной схеме, и не рассмотрение прошлого в качестве безжизненного «объекта», подобного объектам естественных наук, но беседа между исследователем и человеком другого времени, - вот подлинная задача истории как науки. Ибо основные категории, которыми мыслит Февр, - это «эпоха» и «цивилизация». С его точки зрения, в цивилизации воплощено единство различных сторон материальной и духовной жизни людей. Февр подчеркивает качественные различия между цивилизациями: каждая из них на определенной стадии развития имеет свои неповторимые особенности, собственную систему мирозерцания. Следовательно, для того чтобы понять сущность цивилизации и поведения принадлежавших к ней людей, необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, познакомиться с их «мыслительным и чувственным инструментарием» т.е. с теми возможностями осознания себя в мире, которое данное общество предоставляет в распоряжение индивида. Индивидуальное же видение мира, по Февру, есть не более чем один из вариантов коллективного мировидения.

Здесь важно подчеркнуть, что в отношении мировидения Февр отнюдь не был склонен занимать жестко - детерминистскую позицию. Он говорит о тех «возможностях», которые цивилизация открывает пред человеком, как тот или иной индивид ими пользуется, зависит уже от него, от его способностей, места в обществе и других конкретных и привходящих обстоятельств. Всегда существуют многие и различные потенции, варианты поведения для отдельного лица, для его самовыражения и инициативы, равно как и альтернативы движения общества в целом. Но вместе с тем общий характер мировосприятия, стиль жизни, языки культуры, ментальность, присущая данной человеческой общности, не зависят от социальных групп или индивидов, «заданы» им. И тем самым культура образует некую невидимую сферу, за пределы которой принадлежащие к ней люди не в состоянии выйти. Они не осознают и не ощущают этих ограничений, поскольку они «внутри» данной ментальной и культурной сферы. «Субъективно» они ощущают себя свободными, «объективно» же они ей подчинены. «Подчинение» это не тотальное и не абсолютное, ибо, оставаясь в пределах культурной сферы, человек, тем не менее постепенно и как бы исподволь меняет свои ментальность и

поведение. В этой связи Февр вводит понятие «духовного оснащения» (outillage mental). В своем произведении Февр рассуждает: «Для того чтобы в сознании людей XVI века пустил корни атеизм, рассуждает Февр, должно было существенным образом измениться то мировосприятие, которое перешло к ним по наследству от Средних веков. Между тем изучение индивидуального творчества мыслителей и поэтов французского Возрождения и коллективной психологии их современников приводит меня к противоположному заключению. Ибо ни в словаре людей XVI века, ни в их сознании, находившем в языке опору и выражение, еще не существовало того материала, с помощью которого они были бы в состоянии создать новую картину мира».

Так в чем же коренятся особенности поведения и мышления людей того времени? Февр склонен искать ответ в изучении образа жизни эпохи, который, по его убеждению, был по сути своей средневековым. Каждая культура представляет собой ансамбль, компоненты которого, при всех возможных противоречиях между ними, тем не менее соотнесены друг с другом, - таков центральный тезис Февра. Научное рационалистическое мировоззрение - основа последовательного атеизма и вольномыслия - нуждается в таких интеллектуальных опорах и предпосылках, каких не было и еще не могло быть в Средние века.

Слово менталитет считается непереводаемым на другие языки. Его действительно трудно перевести однозначно. Это и «умонастроение», и «мыслительные установки», и «коллективное неосознанное», и «воображение», и «склад ума».[3] Вероятно понятие «видение мира» ближе передает тот смысл, который Блок и Февр вкладывали в этот термин, когда применяли его к ментальности людей минувших эпох.

Для выявления ментальности ученому приходится не верить непосредственно выраженным заявлениям людей, оставивших те или иные тексты и другие памятники, но докапываться до более потаенного пласта их сознания, пласта, который может быть обнаружен в этих источниках скорее как бы против их намерений и воли. И заслуга основателей журнала «Анналы» в том, что прежде всего они ввели в познание истории такое понятие как «ментальность» или «коллективное неосознанное».

Введение понятия «ментальности» побуждает во многом по - новому подойти к изучению идей, доктрин, уже изученных эстетических и иных теорий. Мыслителей и ученых историки философии и науки обычно исследуют как выключенных из собственных исторически данных времени и пространства, обладающих одной лишь «чистой мыслью», свободной от всего того, что присуще человеку. Но именно изучение ментальности, присущей определенной среде и эпохе, - необходимое условие понимания человеческого творчества.

Литература:

1. Февр Л. Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле. – М., 1942. - 344 с.
2. Там же.
3. Гуревич А. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993. - 328 с.

Асылбекқызы К., академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті, филология факультеті, КФ – 41 тобының студенті
(*Ғылыми жетекші – филол.ғ.д., профессор Әділова А.С.*)

КӨРКЕМ ЖӘНЕ ПУБЛИЦИСТИКА МӘТІНДЕРІНДЕГІ КӨРШІ ЕЛ ОБРАЗЫ

Адамның дүниені танып-біліп, түйсінуі, басқаға танытуы көркем мәтіндер мен публицистика мәтіндерінде жиі кездеседі.

Түрлі функционалдық стильдерге жататын медиамәтін мен көркем мәтіннің өзіндік ерекшелігі мен ортақ тұстары көптеген зерттеушілер еңбегіне нысан болғаны белгілі. Бұл мәтіндердің екеуі де адресат санасына, ойына, әлемді қабылдауына әсер етеді, медиамәтіндегі ақпараттың жеделдігі, нақтылығы, ашық бағалаушылығы, тез әрі көп таралатыны ол әсер-ықпалдың да шұғылдығына, оң немесе теріс эмоционалдылықтың ашықтығына, бір жақты бағалауға қызмет етеді, яғни адресат бірден пікір түйіп, қорытынды жасайды. Ал көркем әдебиет мәтіндерінен алатын әсер-ықпал ондай шұғыл емес, біртіндеп, бүкіл мәтінді оқу бойында түрлі сезім күйлерінің алмасуы арқылы оның ойлау жүйесінде, айналаны, адамдарды қабылдауында, санасында өзгерістер қалыптаса бастайды, яғни оның бойында рухани құндылықтар орныға бастайды.

Осымен байланысты әлемнің тілдік бейнесін түсінуге, зерделеуге жетелейтін, оның бір бөлшегі танылатын концепт тілдің танымдық мазмұнын, күй-қалпын айқындаушы ғылыми лингвистикалық